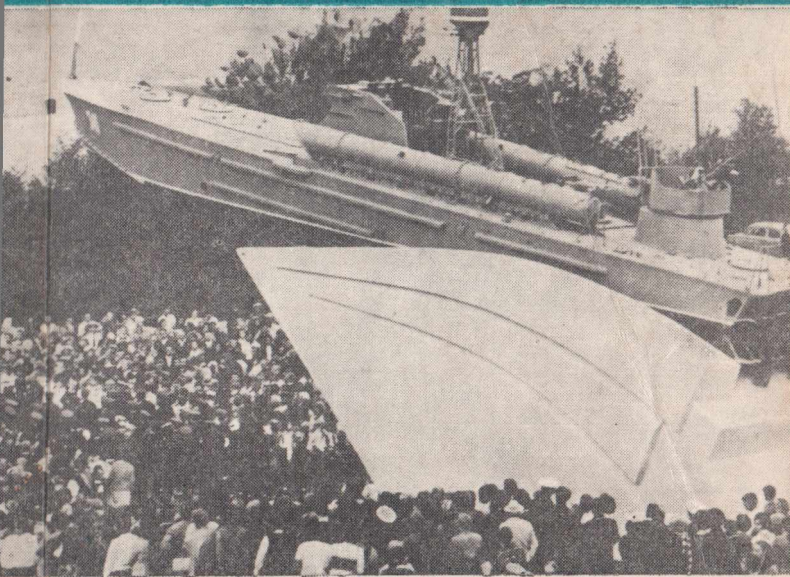

РАТНЫЙ ПОДВИГ НОВОРОССИЙСКА

А. Ф. ГАЛАТЕНКО

**НАТЕРА ИДУТ
К МЫСХАНО**

Катеров и других кораблей в Геленджикской бухте собралось много. Мы встретили здесь знакомых моряков из разных дивизионов, с которыми не виделись уже по нескольку месяцев. На причалах царило оживление, все только и говорили о плацдарме под Новороссийском и предстоящем походе.

Посадка войск на корабли началась засветло. Мы приняли на борт два взвода морских пехотинцев, равномерно разместили на палубе и их, и ящики с боеприпасами.

Почти совсем стемнело, когда вышли в море канонерские лодки «Красная Грузия» и «Красный Аджаристан». Вслед за ними один за другим покидали бухту катера. Заняв места по походному ордеру, они взяли курс на Цемесскую бухту.

Штормило. Порывистый ветер бросал в лицо соленые брызги. В темноте ночи терялись из виду шедшие где-то рядом корабли. А впереди с каждой пройденной милей все ярче были видны вспышки ракет и разрывы снарядов, пунктиры пулеметных трасс. Это продолжался бой за полосу отвоеванного у врага берега, которую в ту ночь еще именовали просто плацдармом, а несколько дней спустя стали называть Малой землей.

В Цемесской бухте корабли застопорили ход. Ночь надежно скрывала нас от глаз противника.

Первой пошла к Рыбачьей пристани канонерская лодка «Красный Аджаристан». Она скоро скрылась в темноте.

Но вот одна за другой взлетели в небо ракеты. И сразу же потянулись к месту высадки змейки пулеметных очередей, беспорядочно заплясали вокруг канонерки рвущиеся мины. Ширина плацдарма была небольшая, и фашисты имели возможность обстреливать причал сразу с двух сторон — с Суджукской косы и с мыса Любви.

У нас за спиной загремели артиллерийские зал-

мы подошли к причалу, когда фрицы почему-то не стреляли вовсе. Второй подход сопровождался беспорядочным минометным обстрелом, причем мины падали далеко от причала. Но роковым для нашего катера оказался третий рейс. И не только для нашего.

На этот раз нам досталась левая сторона причала. К правой почти одновременно с нами подошел «СК-085», которым командовал лейтенант Василий Торопков. Этот катер считался в нашем звене флагманским, потому что на нем чаще, чем на других, ходил на боевые задания командир звена.

Десантники сошли на берег быстро, катера уже стали отходить от причала, как вдруг фашисты буквально засыпали нас минами. И в то же время застрочило сразу несколько пулеметов.

Нас пули миновали, но на «восемьдесят пятом» одна из них попала прямо в сердце командира звена старшего лейтенанта Ивана Никаноровича Павленко. А на нашем катере от осколка мины упал замертво комендор Василий Аристов.

И. Н. Павленко много лет прослужил на границе. Был он рослый, крепкий, неторопливый. Лицо открытое, мужественное, взгляд спокойный. Он никогда не повышал голоса, даже отчитывал тихо, как бы человек ни был виновен. За все любили его, но больше всего за справедливость и храбрость. В дни героической обороны Одессы, а затем Севастополя Павленко много раз ходил с конвоями в осажденные города. Во время налетов вражеской авиации он всегда оказывался там, где нужна была помощь. Случалось, что и подносчиком снарядов становился к орудию. Но даже его присутствия было достаточно, чтобы смелее себя чувствовали моряки, чтобы метче был огонь по врагу.

Между собой мы называли Ивана Никаноровича батей. И вот его не стало. Осиротели мы в одно мгновение. Знали, что придет на его место дру-

рево пожаров и кровь, которую часто приходилось смывать с корабельных палуб.

Многие наши товарищи ушли навсегда, ушли из жизни, которую любили, за которую так неистово дрались с врагом. Живые мстили за павших.

Малая земля продолжала сражаться. Каждую ночь посылала ей помощь Большая земля.

ТАК СТАНОВИЛИСЬ ГВАРДЕЙЦАМИ

Мы ожидали транспорт, который должны были конвоировать в Геленджик. Стояли в котловане. Не было в Туапсинском порту места уютнее, чем эта бухточка, отгороженная волноломом от большой бухты. Здесь базировался наш 5-й Краснознаменный дивизион сторожевых катеров.

Над городом и морем простирался звездный вечер. После малоземельских ночей непривычной была окружавшая нас тишина. Фашистские самолеты теперь появлялись над Туапсе довольно редко.

В сопровождении дежурного на причал пришел командир дивизиона капитан-лейтенант Державин.

— Примите швартовые у «шестьдесят пятого»! — сказал он матросам, стоявшим возле нашего катера. — Сейчас подойдет.

Через несколько минут из-за обрывистого берега, на котором приютилась дивизионная столовая, показался «СК-065». Даже в сумерках было видно, как глубоко сидит он в воде.

В руках дежурного вспыхнул на какое-то время фонарик, указывая свободное место у причала. Катер приближался медленно. Вот он наконец метрах в десяти от пирса. Уже хорошо видны изрешеченные пулями и осколками его борта и рубка. Заплатами выглядят брезентовые пластыри, закрывшие пробойны. И как он, чудом державшийся на воде, дошел из Геленджика в свою базу?

ронов еще много. И снова заговорил пулемет Куропятникова.

Около сотни бомб сбросили фашистские самолеты на катер, мешавший им расправиться с транспортом. Полузатопленный, израненный, обогранный матросской кровью «СК-065» вышел победителем. Транспорт с фронтовыми грузами для защитников Малой земли был доставлен в Геленджик.

За этот подвиг «СК-065» удостоился гвардейского флага. Все члены экипажа — живые и погибшие — были награждены орденами, а грудь старшины второй статьи Григория Куропятникова украсила Золотая Звезда Героя Советского Союза.

До войны на борту этого катера было написано «ПК-125». В нашем 1-м Черноморском отряде пограничных судов не было экипажа, равного ему ни по боевой и политической подготовке, ни по числу задержанных нарушителей границы. Война застала «ПК-125» на Дунае. На рассвете 22 июня 1941 года он уже вел бой с фашистами.

В вахтенном журнале катера о первом дне войны есть такая запись: «22 июня 1941 года. Новая Килия. 7.50. Получил задание уничтожить вражеский пикет. 7.53. Открыл огонь по пикету. 7.58. Прекратил огонь. Пикет уничтожен».

Встретил войну на советско-румынской границе и «ПК-122», на котором в ту пору служил минаером Григорий Куропятников.

Участок границы в низовьях Дуная оказался для врага неприступным. Все попытки гитлеровцев форсировать реку кончались неудачей. Здесь храбро дрались, составляя единый боевой кулак, сухопутные и морские пограничники. В первые дни войны наше командование решило предпринять на этом участке десант на правый берег Дуная. Ударную силу десанта составляли пограничники и бойцы 51-й Перекопской дивизии. Перевозили десант

питан-лейтенанта Уральского, заместителя командира нашего дивизиона по политчасти. Он сообщил, что утром после длительной артподготовки и бомбардировки с воздуха наши позиции на Малой земле были атакованы танками и пехотой противника, что завязались жестокие бои. Помню, Уральский сказал: «Я не располагаю достоверными данными о том, каково положение на плацдарме сейчас, но уверен, что наши десантники дадут отпор фашистам. Плацдарм останется в наших руках!»

Уверенность замполита разделял весь экипаж нашего катера. Как только стемнело, мы вышли в море. Шли в охранении каравана. С полпути и до самого места высадки преследовали нас немецкие торпедные катера. Действовали они парами, появляясь то впереди конвоя, то сбоку. Стреляли издали и быстро удалялись, когда открывали огонь наши катера.

Огневой бой на Малой земле продолжался и ночью. Еще издали было видно зарево над плацдармом, доносились частые взрывы. Казалось, горела вся прибрежная полоса.

Доставка войск и грузов на берег в эту ночь была более трудной, чем прежде. Ни на минуту не прекращался артиллерийский обстрел, несколько раз бомбила суда и берег вражеская авиация. Все время держали нас в напряжении фашистские торпедные катера. Не обошлось без потерь.

Обратным рейсом с нами шел корреспондент газеты «Красный флот». Если не изменяет мне память, это был старший лейтенант Иван Мирошниченко. Уже после войны я узнал его на фотографии, помещенной в книге «В редакцию не вернулся». Корреспондент торопился передать в Москву статью о моряках-малоземельцах.

— Мне повезло, — говорил он. — Не думал и не гадал, когда на Мысхако добирался, что там такое начнется. Я на Малой и раньше бывал, всего рассмотрел, но такого еще не видел.

глубь моря. Но вдруг повернули обратно и пошли прямо на катер. Все четыре.

— Заметили, сволочи, — процедил сквозь зубы командир отделения комендоров Даниил Демкин, разворачивая свой пулемет в сторону стервятников. Его всегда румяное лицо стало от злости багровым, глаза сверкали.

Но раньше, чем открыли огонь катерники, заговорили зенитки с береговых батарей. Снаряды кучно разорвались впереди «мессершмиттов». Фрицы увидели, что прилетели поздно, и отвернули.

Что же им помешало прилететь раньше? Может, немецкая педантичность? Время, когда наш катер находился в самом опасном месте, было обеденное. А фрицы обеденный перерыв блюли строго. Могла, конечно, быть и другая причина короткого затишья в воздухе. Но все это ничуть не умаляет подвига моряков «СК-0105». Они ведь даже на мгновение не могли предположить, что случится именно так.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

На войне всякое бывает... Эту фразу можно встретить в мемуарах полководцев, услышать в воспоминаниях бывших солдат-фронтовиков. Потому что и в самом деле всякое бывает на войне.

Мне хочется рассказать о двух историях, которые одинаково начинались, но закончились совсем по-разному.

«Торпеда с правого борта!»

В те месяцы, когда мы ходили к Малой земле, нам приходилось выполнять и другие задания — конвоировать транспорты, ходить в дозоры, выса-

хи. Показал одно стихотворение Файнману. Он прочел и сказал:

— Получается!..

Потом посоветовал написать о наших катерах.

— О линкорах-то пишут, — говорил он, — об эсминцах даже песни поют. А разве не заслужили того наши «охотники»?

Стихи о катерах я написал. Представил себе, что войны уже нет и нам вспоминаются боевые дни и наши маленькие корабли. Видимо, стихи Файнману понравились, потому что он часто читал отрывок, где я, обращаясь к катерам, говорю:

Меньше всех вам случалось
стоять у причалов.
То хлестали вас ветры,
то море качало,
То вас с неба горячим
свинцом поливали,
То вам сбоку трусливо
торпеду совали,
То взрывались снаряды
у самого борта...
Только вы не боялись ни фрица,
ни черта!

Боцман — хозяин корабля. Был отличным хозяином и Файнман. Под его неусыпным взором на нашем «охотнике» всегда поддерживалась образцовая чистота. В боцманских кладовках хранилось все, что могло пригодиться сегодня, или завтра, или через год. Ни у кого Файнман ничего не занимал и не кланчил, зато всегда делился всем, чем только мог, с боцманами других катеров.

Он очень любил свой корабль. Любил, как родной дом. И заботился о нем, как может человек заботиться только о родном доме. Покрасим, бывало, после ремонта катер, боцман на шлюпке отойдет подальше и долго любит его стройным силуэтом, каждой его деталью.

А то случалось нашему «семьдесят пятому» идти в какой-нибудь порт с другим катером. Файнман не упускал момента померяться скоростями.

наш гидросамолет, совершивший вынужденную посадку в опаснейшем районе моря. В послевоенные годы Банин командовал дивизионом катеров на Черном море, затем долго служил на Тихоокеанском флоте. Ушел в запас капитаном первого ранга. Многие годы живет он в Сочи, работает в городском штабе гражданской обороны.

Встречается в книге имя Виктора Разживина, радиста «СК-075». Он вырос на Волге, в городе Решме. Вернулся волгарь в родные места и много лет подряд руководил рыболовецкой бригадой.

Командир «СК-085» Василий Мефодиевич Торопков после освобождения Новороссийска сначала возглавил звено, а в конце войны — наш 5-й Краснознаменный дивизион катеров. Позже он занимал ряд ответственных должностей на Черноморском и Тихоокеанском флотах. Вышел в запас капитаном первого ранга. Ныне живет в Севастополе, работает в учреждении, тесно связанном с флотом.

В Сочи проживает Григорий Дмитриевич Остапченко, бывший сигнальщик «СК-0105». До ухода на пенсию свыше тридцати лет работал он бригадиром и прорабом в Сочинском ремонтно-строительном тресте.

Командир отделения комендоров «СК-0105» Даниил Пименович Демкин (его имя упоминается в главе «По минным заграждениям») после войны остался на сверхсрочную. Многие молодые катерники проходили школу флотской службы у этого бывалого моряка. Сильный физически, Демкин и не заметил, как подкралась к нему тяжелая, неизлечимая болезнь. Он умер в Феодосии, где жил после демобилизации.

Бывший заместитель командира нашего дивизиона катеров Леонид Гаврилович Уральский живет сейчас в Подмосковье, работает в одном из научно-исследовательских институтов.

В главе «Штурм» цитируется письмо группы

РАТНЫЙ ПОДВИГ НОВОРОССИЙСКА

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Анатолий Феодосьевич Галатенко родился в 1921 году на Украине в семье сельского учителя. В 1939 году окончил среднюю школу в Киеве и вскоре был призван на военную службу. Служил в морской пограничной охране. В период Великой Отечественной войны участвовал в героической обороне Одессы, Севастополя и Кавказа. С февраля по сентябрь 1943 года, будучи в составе экипажа катера «СК-075», принимал непосредственное участие в обеспечении связи Малой земли с Большой.

После освобождения Новороссийска 5-й Краснознаменный дивизион сторожевых катеров, в котором А. Ф. Галатенко сначала служил командиром отделения комендоров, а затем комсоргом части, освобождал Крым, прошел с боями до Болгарии.

А. Ф. Галатенко отмечен боевыми наградами. Член КПСС с 1942 года.

После войны он работал во флотской печати, затем редактором районной газеты и секретарем райкома партии на Украине. Окончил исторический факультет Краснодарского педагогического института. С 1951 года — сотрудник редакции краевой курортной газеты «Черноморская здравница». Член Союза журналистов СССР.